

А. И. Богомолов

Рецензия на монографию:
Alapuro R. State and Revolution in Finland.
Leiden: Koninklijke Brill NV, 2019. XIV, 306 p.
(**Historical Materialism Book Series. Vol. 174**)

Столетие независимости Финляндии не могло остаться без внимания историков, политологов, философов. На первый взгляд, давно и обстоятельно исследованные события и процессы вековой давности оставляли скромное пространство для полета мысли. Однако это представление оказалось ошибочным, и рецензируемая монография одного из видных финских политологов Ристо Алапуру «Государство и революция в Финляндии» уже своим названием намекала на то, что автор не склонен довольствоваться банальным пересказом событий дней минувших.

Прежде всего следует отметить не столько великолепное знание автором историографии затрагиваемых проблем, сколько явно полемический характер сочинения. Обращаясь к работе Баррингтона Мура «Социальные истоки диктатуры и демократии», Алапуру особо отмечает то, что Мур, рассмотрев пути, по которым шли разные государства в современную эпоху, и последовавшие изменения в их политических системах, сознательно пренебрег в своем анализе малыми государствами, полагая, что малые страны зависят экономически и политически от больших и сильных, а следовательно, определяющие причины их внутривнутриполитических и социальных процессов лежат вне пределов их собствен-

ных границ. Эта точка зрения, по выражению Алапуру, «инкапсулирует основную проблему», рассмотрению которой посвящено его сочинение: каким образом зависимость от могущественных государств влияет на предварительные условия, формы и результаты коллективных действий в малых государствах, на возникновение революций и иных крупномасштабных конфликтов, а также на институционализацию политических систем? Более конкретно, т. е. применительно к Финляндии, Алапуру ставит несколько вопросов: какова роль внутренних и внешних факторов в образовании Финляндского государства, как совокупность этих факторов способствовала ранней политической мобилизации и взрыву в 1918 г., каково было воздействие провала революции на государственные структуры и процессы 1920-х и 1930-х гг.?

Свой анализ Р. Алапуру начинает издавека. В XIX столетии Финляндию характеризовали почти полное социальное спокойствие и жесткая консервативная политическая система. Присоединение Финляндии к России в 1809 г. повлекло за собой исключительное усиление позиции финляндской бюрократии: отказываясь созывать сейм на протяжении полувека, монархия косвенно способствовала вознесению на политическую высоту высшего административного органа — сената. Парадоксально, но усиление бюрократии, являвшейся оплотом нобилитета, подчеркивает Алапуру, порождая новые противоречия, в итоге способствовало подрыву позиций нобилитета, принадлежность к дворянскому сословию становилась скорее наградой, чем условием бюрократического карьерного успеха. Последовавшая капиталистическая трансформация, в свою очередь, способствовала возникновению напряженности между гражданской бюрократией с одной стороны и академическими и церковными кругами с другой. Новые поколения дворян склонялись к бюрократической карьере, что неизбежно вело к упадку роли лютеранского духовенства, результатом чего стало ослабление прежних тесных контактов церковных и академических кругов, что происходило к тому же на фоне вливания в ряды духовенства социально мобильных крестьянских сыновей, говоривших в основном по-фински. Результатом не могло не стать возрастание напряженности в обществе Великого княжества в последние десятилетия XIX в.

Ристо Алапуру обоснованно обращает особое внимание на тот факт, что быстрый демографический рост сельского населения, повлекший появление аграрного пролетариата, начался в Финляндии до начала индустриализации и экономического подъема, что способствовало эмиграции (при этом он подчеркивает, что масштабы эмиграции значительно уступали масштабам эмиграции из Швеции, что в дальнейшем сказалось на внутривнутриполитических процессах в Финляндии). Однако в Великом княжестве взаимовлияние промышленной и сельскохозяйственной революций было иным, чем в остальной части Восточной Европы. Поскольку капиталистические преобразования Финляндии основывались главным образом на развитии деревообрабатывающей промышленности, изменения произошли непосредственно в сельской местности,

именно там выросли новые промышленные центры, и там, в отличие от других, крестьяне владели большей частью лучших лесных земель. Трансформация экономики Финляндии во второй половине XIX в. привела к тому, что если веком ранее основными ее бенефициарами являлись крестьяне западной части княжества, занятые в наиболее развитой сфере экономики — кораблестроении, ориентированном на метрополию — Швецию, то теперь роль ядра стал играть юг, ставший центром индустриализации. В силу этого социальная структура разных частей княжества претерпела кардинальные изменения, юг становится не только ядром государства, но и обремененным социальными противоречиями центром. Восточная Финляндия (за исключением района Выборга) и обширные пространства на севере остаются на периферии, откуда миграционные потоки устремляются на юг и к Выборгу. Миграционные потоки, прежде ориентированные на Петербург, иссякают.

Нельзя не согласиться с Алапуру, что едва ли не в исключительной степени важным было то, что в среде как средних классов, так и высших слоев общества имелись сильные стимулы для националистической мобилизации. Национализм присущ процессу модернизации, охватившему со второй половины XIX в. Великое княжество. В индустриализирующемся обществе, становящемся всё более централизованным, специализированным и профессионально мобильным, грамотность и образование приобретали как никогда большое значение, неизбежно возникала объективная социальная потребность в культурной однородности, язык приобретал новую и решающую роль в определении социальных границ.

Ссылаясь на Э. Дж. Хобсбаума, называвшего национализм «гражданской религией» современного территориально-централизованного государства, Р. Алапуру подчеркивает, что такое государство объективно способствует развитию у граждан комплекса мотиваций, которые придают им первичное и первостепенное чувство ответственности перед государством и устраняют иные обязательства в отношении других групп и центров в пределах или за пределами территории; национализм становится идеологией, с помощью которой население устанавливает чувство идентичности с современным государством. Высшие классы Финляндии с их шведской культурой испытывали исключительно сильные стимулы для принятия языка и культуры подавляющего большинства народа, как из-за политической зависимости страны от великого самодержавного государства (России), так и из-за их собственной потребности как государственных бюрократов установить чувство долга перед финским государством. Как следствие, выросла достаточно единая национальная культура. В конце концов слабость дворянства как класса землевладельцев и их положение в государственных структурах заставили их принять финский язык в качестве родного и активно искать способы устранения межклассовых противоречий на основе способствующей национальной интеграции единой культуры.

Более того, отмечает Алапуру, в буржуазной среде Великого княжества преобладало мнение, что создание профсоюзов может благотворно сказаться на разрешении конфликтов, что рабочие организации будут способствовать образованию рабочих и делать их более ответственными. Схожие идеи имели распространение и в среде университетских интеллектуалов. Массовые организации не представлялись таящими в себе серьезную угрозу. С другой стороны, имперские власти благосклонно относились к сравнительно небольшой рабочей партии — социал-демократической партии Финляндии, считая ее менее опасной, чем более беспокойные буржуазные политические партии и группировки, и даже надеялись использовать ее против них. Итог — рост популярности среди широких масс именно этой политической силы. Однако, даже несмотря на поразительную победу социал-демократов на выборах в 1907 г. в первый бессловный сейм (поразительную уже в силу того, что 90 % голосов было получено ими в сельской местности), они как представители всего рабочего движения в Финляндии не обеспечили себе места ни в высших эшелонах власти, ни в администрации, ни тем более в гражданском обществе, их партия была в значительной степени изолирована.

После Февральской революции в России финские социал-демократы начали делиться политической властью в буржуазном государстве. Экономическая и социальная ситуация ухудшалась: импорт зерна из России иссякал, предвещая рост цен на продовольствие; сокращение военных расходов империи в Финляндии способствовало массовой безработице; инфляция ускорялась. Эти проблемы обусловили необходимость эффективного выполнения политических решений, однако не было никакой гарантии, что административный аппарат окажется пригодным инструментом для проведения социал-демократической политики: этот аппарат, с которым они должны были работать, был буржуазным по своей сути. Социал-демократы разделили политическую власть в условиях, весьма сходных с теми, которые существовали во многих западноевропейских странах, например в Швеции в 1917 г. Но финскому государству в результате Февральской революции был нанесен ущерб в одном существенном отношении: оно осталось без контроля над основными средствами принуждения. Единственными вооруженными силами, на которые могло опереться государство в возможном кризисе, были в конечном счете имперские войска, дислоцированные в стране, но русская революция в значительной степени парализовала эту силу. Финская полиция была распущена. До конца 1917 г. Финляндия не имела полицейских сил.

Правящие финские круги утратили максимальную защиту, которую дает контроль над вооруженными силами, в тот самый момент, когда рухнуло русское самодержавие, а создать орудие насилия без согласия, как пишет Алапуру, «социалистического парвеню» оказались не в состоянии. Социал-демократы оказались у власти в государстве, неспособном прибегнуть к силе, но вместе с тем с прочной буржуазной институциональной структурой. Алапуру полагает,

что в долгосрочной перспективе отсутствие инструментов принуждения при наличии контроля над временными механизмами поддержания порядка могло оказаться преимуществом для социал-демократов, потенциальным оружием для оказания давления на государственную власть. Однако такие временные механизмы представляли ценность для партии только в том случае, если их можно было удерживать под контролем, — т.е. только в том случае, если движение, возглавляемое парламентской партией, могло контролировать внепарламентскую деятельность. Партия не занимала, скорее, не могла занять четкой позиции, когда быстро мобилизованные массы предъявляли государству свои требования. Партия не закрепились в государстве, поэтому нуждалась в поддержке масс. Характерным для двусмысленной ситуации является тот факт, что социал-демократические министры не были ведущими фигурами и что партия не сформировала правительство в одиночку, хотя могла бы это сделать в марте. В Великом княжестве складывалась ситуация, чем-то напоминающая российское двоевластие, ситуацию, которую Алапуру называет множественным суверенитетом. Правительство не имело искренней поддержки движения. Способность партии решать краткосрочные проблемы и проводить реформы, которые она считала принципиально необходимыми, была чрезвычайно важна, но партийные цели могут быть достигнуты только в том случае, если жизнь будет продолжаться упорядоченно и достижение этих целей облегчит поддержание порядка. Поначалу всё казалось вполне удовлетворительным, несмотря на некоторые неприятные инциденты.

Однако к лету 1917 г. поддержание порядка стало главной проблемой, стоявшей перед буржуазными кругами. Роспуск полиции лишил государство единственного аппарата, который действительно защищал личные и имущественные права, а участие в поддержании порядка мобилизованных рабочих, какими бы малочисленными они ни были, представляло собой, с точки зрения буржуазных кругов (и не только их), большую потенциальную угрозу. Однако в сложившейся ситуации не было возможности прибегнуть к «традиционным репрессиям для борьбы с беспорядками». Когда в июне буржуазного министра внутренних дел спросили о легализации буржуазных национальных гвардий (шюцкоров) или о создании военизированной полиции, он отверг обе идеи: это станет подстрекательством к гражданской войне, а русские не позволят создать военизированную полицию. Роспуск в августе 1917 г. Временным правительством сейма был единодушно поддержан буржуазными партиями. Социал-демократы покинули правительство. Остались только буржуазные министры, и их первой целью стало «создание мощной силы безопасности для страны».

На новых выборах в сейм социал-демократы потерпели поражение, потеряв одиннадцать мест, буржуазные партии получили большинство. Поражение поставило перед партией сложную задачу: контролировать поднимающиеся революционные настроения масс. Многие лидеры социал-демократов еще ранее опасались ухода из правительства в августе, так как видели в участии

в нем средство сдерживания масс. Та же идея была высказана в ходе избирательной кампании. О. В. Куусинен, один из ведущих деятелей партии, видел последствия проигрыша таким образом: «Что произойдет, если мы потерпим поражение на выборах? Тогда в народе вспыхнет революция. Нет знания о том, как такая революция может закончиться. Это может привести к катастрофе для всего рабочего движения, и это одна из причин, почему мы должны стремиться к победе на выборах».

Согласно традиции, рабочие красные гвардии должны были быть дисциплинированы, а рабочее движение должно было иметь полный контроль над ними. В действительности авторитет партии в движении падал, в ряде случаев даже в крупных городах охрана порядка поддерживалась красными гвардиями, имевшими лишь слабые связи с партией. Вместе с тем, несмотря на радикализацию и быстрое расширение других ветвей движения, социал-демократическая партия не была подавлена. Ее авторитет был поставлен под сомнение, однако, подчеркивает Алапуру, она смогла сохранить центральное положение. При этом приостановить дальнейшую радикализацию ситуации партия всё же была неспособна. Последний шаг, предшествовавший началу складывания именно революционной ситуации, был сделан 1 ноября, когда социал-демократы опубликовали программу под названием «Мы требуем», в которой утверждалось, что роспуск парламента явился результатом сговора между финской буржуазией и русскими реакционерами, старый парламент по-прежнему является единственным законным парламентом, требовалось провести выборы учредительного собрания, принять немедленные меры по обеспечению продовольствием и занятости населения, осуществить реформы, принятые предыдущим парламентом, распустить шюцкоры. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением Алапуру, что социал-демократическая партия полностью сознавала сильное давление снизу и по этой причине программа была принята — прежде всего для того, чтобы ослабить это давление и найти выход из положения — как последний шанс для буржуазии предотвратить революцию. Программа не представляла собой вызова базовой структуре капиталистического общества, а скорее, являлась подлинной попыткой урегулирования политического кризиса, мотивированной желанием партии предотвратить революцию. Именно с этого времени тенденция к упомянутому «множественному суверенитету» стала совершенно явной. Разразившаяся всеобщая забастовка не позволяла партийным лидерам уклониться от участия в ней, но, подчеркивает Алапуру, они не имели реального представления о том, что делать, если у них в руках снова окажется власть. По его мнению, хотя объективные причины революции уже существовали, субъективные причины — «инструменты революции» — отсутствовали.

Революция была «поразительно пролетарской»: в отличие от большинства революций, интеллектуальные круги в ней не участвовали. В Финляндии интеллигенция всего за несколько десятилетий до этого выработала национальную идеологию, и весь «национальный» образованный класс пришел в ужас

от этого разрыва солидарности в обществе. Впоследствии, считает Алапуру, именно этот шок вызвал финскую версию фашистского движения, получившего название Лапуаского. Движение Лапуа не было отдельной группой или конкретной партией, в отличие от многих других государств, в которых возникли разного рода фашистские движения; скорее это была обычная буржуазная реакция на финское коммунистическое движение, возникшее в результате жесткого подавления революции и имевшее удивительно тесные связи с новым советским государством. Для такой интерпретации, признается Алапуру, он нашел поддержку прежде всего в модели Чарльза Тилли (Charles Tilly) о непосредственных причинах революционных ситуаций, но вместе с тем он считает, что революционный процесс в Финляндии не следовал «идеализированной революционной последовательности», которая начинается с постепенной мобилизации претендентов на власть и сопровождается быстрым ростом поддержки их притязаний и, наконец, завершается безуспешными усилиями правительства подавить альтернативную коалицию. Алапуру считает, что исключительной особенностью финской революции является то, что путь к ней начинался с третьей непосредственной причины — неспособности правительства подавить возможного революционного соперника. Этот самый соперник появился лишь постепенно, в результате кропотливого процесса мобилизации. Именно поэтому, подчеркивает Алапуру, модель Тилли полезна не тем, что она согласуется с финскими реалиями, а потому что финские отклонения от этой модели проливают свет на особенности финского случая, позволяя сравнивать с революционными ситуациями в других местах и в другое время. Решающее значение для понимания финской революции имеет понимание специфической взаимосвязи между внешними и внутренними факторами — параличом аппарата принуждения вследствие кризиса в России с одной стороны и сильной позицией движения домашней прислуги в начале кризиса с другой.

Среди изданных к столетию независимости Финляндии сочинений монография Ристо Алапуру стоит особняком, представляя собой попытку сжатого, но цельного анализа комплекса сложных проблем. Этому не стоит удивляться, поскольку впервые финский исследователь обратился к этой теме еще в 1970-х гг.

**A. I. Bogomolov. Review on monograph: *Alapuro R. State and Revolution in Finland*.
Leiden: Koninklijke Brill NV, 2019. XIV, 306 p. (Historical Materialism Book Series. Vol. 174)**

Богомолов, Алексей Иванович — к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Bogomolov, Alexey Ivanovitch — Ph. D., researcher, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: iohannes@yandex.ru